

УДК 94(470.62)084.8

**РЕЛИГИЯ, ДУХОВЕНСТВО И ГОСУДАРСТВО
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ**

О.Б. Халидова,
кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН, Махачкала

O.Khalidova2011@mail.ru

Аннотация: Представленная статья посвящена одному из аспектов исторической проблематики в рамках взаимоотношений религии, религиозных организаций и Советского государства в период Великой Отечественной войны. В контексте общегосударственной политики в религиозной сфере анализируются приемы и методы в работе властных структур и их реализация в реалиях северокавказских республик.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, СССР, Северный Кавказ, государство, религиозные организации.

**RELIGION, RELIGIOUS LEADERS AND STATE
IN THE NORTH CAUCASUS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

O.B. Khalidova,
Candidate of Historical Sciences, researcher at the Institute of History, Archaeology and Ethnography
of Dagestan Scientific Center, RAS, Makhachkala

O.Khalidova2011@mail.ru

Abstract: The article deals with an aspect of historical problem of interaction of religion, religious organizations and the Soviet state during the Great Patriotic War. In the context of national policy in the religious sphere, the author of the article analyzes the techniques and methods of work of government agencies and their implementation in real life of the North Caucasian republics.

Keywords: Great Patriotic War, USSR, North Caucasus, state, religious organizations.

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) советский народ подвергся чудовищному испытанию не только как социальная система, но и как полиэтноконфессиональное сообщество. В связи с этим среди проблем, связанных с историей Великой Отечественной войны, заслуживает отдельного внимания и тема государственно-конфессиональных отношений этого периода, состояния и деятельности религиозных организаций, жизни верующих.

К началу войны, по результатам Всесоюзной переписи 1937 г., на территории СССР, в том числе и в автономных республиках, было выделено девять наиболее крупных религий. Первое место среди них занимала православная вера, на втором месте – ислам [24, с. 99]. Несмотря на политику атеизма в предвоенные годы, население нашей страны оставалось в большинстве своем религиозно-верующим. Особенно высокая степень религиозности наблюдалась среди мусульманского населения страны за счет высокого показателя верующих в молодежных группах [24, с. 102-103]. Однако данные переписи нельзя, наверное, считать полностью объективными. В то время религиозность рассматривалась как пережиток и квалифицировалась как «религиозный предрассудок», поэтому ожидать искренних ответов на вопрос о вере было нельзя.

Как в предвоенные, так и военные годы правовое положение религиозных организаций нашей страны определялось Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «*О религиозных объединениях*» от 8 апреля 1929 г., всячески ограничивавшим как богослужebную, так и социальную деятельность

религиозных общин [43, с. 57–73]. Среди представителей партийно-государственных органов находились те, кто выступал за отмену этого законодательного акта. Так, в мае 1937 г. с этим предложением к Сталину обращался Г.М. [Маленков](#). Предложение Маленкова не было принято во внимание. Более того, в апреле 1938 г. была распущена Комиссия по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР под руководством П.А.Красикова [4, с. 91]. Единственной государственной структурой, занимавшейся религиозными вопросами, оказался «церковный отдел» НКВД [34].

Таким образом, данный документ (с внесенными в него позднее дополнениями и изменениями) был основным правовым актом, регулировавшим религиозную жизнь в СССР до самого [конца советской власти](#).

Наступивший переломный момент в отношениях между государством и большинством религиозных объединений в СССР перед началом Великой Отечественной войны был предварен курсом, ориентированным на построение «безрелигиозного общества». Очередная масштабная волна закрытия молитвенных зданий и гонений на духовенство пришлась на 1937–1941 гг.

Общегосударственные процессы не обошли стороной и автономные республики. Во второй половине 30-х гг. XX в. по 34 районам и 2 городам Дагестана (Махачкала и Дербент) общее количество культовых зданий всех конфессий в республике составило 1939, из них мечетей – 1820, церквей – 30, синагог – 14, других молитвенных зданий – 75. Общее количество закрытых зданий – 1026, из них – 1000 мечетей, церквей – 11, синагог – 9, других – 6. Незакрытыми оставались 913 зданий, в том числе мечетей 820, церквей – 19, синагог – 5, других – 69. Из общего количества незакрытых зданий действующими оставались только 726 зданий [6, с. 8].

С конца 1935 г. до начала 1937 г. Чечено-Ингушетия некоторое время пребывала в относительном спокойствии, что характеризовалось отсутствием крупных чекистских провокаций и, как следствие этого – народных восстаний. Однако тотальные репрессии в стране в 1937 г. не обошли стороной и вайнахскую автономию. В довольно короткие сроки – за полтора года Чечено-Ингушетия была фактически «обезглавлена» [1]. Религиозная составляющая чечено-ингушского общества характеризовалась сильными позициями исламской религии. К началу Великой Отечественной войны в Чечено-Ингушетии действовала 401 мечеть, продолжали читать проповеди более 400 мулл. Существование на территории этой автономии тайных суфийских тарикатов, куда входило большое число мюридов, подчиняющихся своим мюршидам, являлось поводом для подозрений со стороны властных структур [28, с. 140].

Позиции религиозных объединений были сильно надломлены к этому времени и в Осетии. С 1930 г. начались аресты, ссылки и расстрелы осетинских мулл и имамов. Многие из мусульман Вольно-Магометановского и прилежащих мусульманских сел подверглись насильственному переселению в другие регионы России [23]. Репрессии коснулись и православного священства. Отсутствие наставников вызвало широкое распространение сектантства среди православной паствы [22, с. 16].

В результате общих мероприятий, проводимых комиссией и направленных на устранение религиозности, через шесть лет в Кабардино-Балкарии остались неразрушенными 239 молитвенных зданий, из них 219 мечетей, 16 церквей, 1 синагога и 3 здания других религиозных культов. Официально функционировали и были юридически оформлены 36 зданий из 239, еще 60 действовали без разрешения властей на свой страх и риск. 17 зданий использовались под склады, остальные – под другие нужды, 95 вообще не использовались [7, л. 3 об.].

Таким образом, отношения между государством и религией подошли к той черте, когда религиозный институт стоял на грани полного его уничтожения. Свообразным рубежом, отделившим эпоху «воинствующего атеизма» от веротерпимого периода во взаимоотношениях между властью политической и духовной, явилась Великая Отечественная война [27, с. 208]. Отказ от прежней практики жестокого давления на религию и временный переход к частичным уступкам в отношении нее со стороны властей ознаменовали собой начало нового рубежа – религиозной «оттепели».

Подобные перемены были продиктованы не объективными причинами, а вызваны личными амбициями Сталина. О переменах в вероисповедной линии СССР того времени православные священнослужители отзывались как о маневре, называя его вынужденным и тактическим, предпринятым перед лицом грозной опасности и в виде уступки военным союзникам [31, с. 106]. Того требовала и международная обстановка, сложившаяся к тому времени. Изменение вероисповедной политики в СССР вызывало одобрение как союзников по антигитлеровской коалиции, так и мировой общественности, что повышало авторитет и страны, и ее руководства.

Тем самым к нормальному развитию государственно-церковных отношений в годы войны подталкивала составляющая стратегического курса на объединение усилий народа в борьбе с фашизмом, при разработке и реализации которого учитывались как конкретно сложившаяся ситуация, так и возможные последствия [37, с. 16].

С началом ВОВ широкую патриотическую деятельность развернула Русская Православная церковь. 22 июня 1941 г. патриарший местоблюститель митрополит Сергей обратился к верующим с посланием, в котором призывал их помнить «не о личных опасностях, а о священном долге перед Родиной и верой» [36]. В мае 1942 г. на состоявшемся в Уфе съезде представителей мусульманского духовенства и верующих страны муфтий Центрального Духовного управления мусульман Габдрахман Расулев призывал всемерно способствовать разгрому врага [35, л. 79–84]. По всей стране в храмах начался сбор средств на вооружение, подарки бойцам, помощь раненым и сиротам. На средства, собранные церковью, были построены самолёты для эскадрильи «Александр Невский» и танковая колонна «Дмитрий Донской» [41].

Подобные мероприятия нашли отражение и в автономных республиках нашей страны. На деньги и ценности, собранные дагестанцами, в том числе и верующими, была построена танковая колонна им. имама Шамиля. Всего было собрано 10 млн. рублей, за что И. Сталин 5 января 1943 г. через газету «Дагестанская правда» поблагодарил жителей республики. Деньги на строительство этой колонны активно собирали и мусульманские религиозные деятели – например, муфтий Расулев перечислил 50 тыс. руб. Танковая колонна имени имама Шамиля была передана в 1-ю Гвардейскую танковую армию в конце 1943 г. (по другим данным, в начале 1944-го). На одном из этих танков воевал Герой Советского Союза Ю.Г. Священко [42].

В годы Великой Отечественной войны владикавказская армянская церковь занималась благотворительной деятельностью, помогала раненым, давала приют беженцам. Был организован сбор средств для строительства танковой колонны «Давид Сасунский» [27, с. 211–212].

Одним из направлений деятельности благочинного церковью Осетии отца Григория было ведение патриотической работы среди своих прихожан. В результате было собрано 50 тысяч рублей на танковую колонну им. св. князя Дмитрия Донского, а в фонд обороны передано 300 тысяч [27, с. 212].

Учитывая то обстоятельство, что верующие в Советском Союзе длительное время были ущемлены, гитлеровское командование в своих действиях широко использовало религиозный фактор. Особенно большое внимание уделялось вопросам политики по отношению к мусульманским народам Кавказа. Полагая, что адаты, мусульманские законы и шариат на Кавказе, как нигде в другом месте России, держат большую часть горского населения в повиновении, немецкие специалисты по Северному Кавказу считали горцев по натуре очень наивными, а, следовательно, работать с ними легче, чем с другими национальностями [23]. В качестве примера может служить «Воззвание к мусульманским народам», быстро распространившееся в кабардинских, балкарских селениях и в городе Нальчике в ноябре 1942 г. В воззвании, подписанном кадием Кабардино-Балкарии Хаджи Хозе Хотековым, подчеркивалась большая заслуга Адольфа Гитлера, «спасшего вольнолюбивый народ Кабардино-Балкарии от цепей рабства и безбожия...», и предлагалось вознести «молитвы к всемогущему Аллаху за полное очищение вселенной от нечисти безбожия и безверия, за окончательный разгром большевизма, за нашего фюрера Адольфа Гитлера» [48, с. 19]. Дестабилизирующим фактором послужило создание на территории оккупированного Ставрополя радиостанции «Голос Кавказа». Посредством радиостанции немцы вели пропаганду на всех языках северокавказских народов, в том числе и на языках народов Дагестана о мнимых успехах немецких войск, о поражениях Красной армии, а также о дружеских отношениях между горцами-мусульманами и оккупационными войсками фашистской Германии [3, с. 84].

Однако попытки расколоть северокавказские народы не увенчались успехом. И даже те целенаправленные действия со стороны немецкого командования объявить себя приверженцами мусульманских обычаев и традиций были обречены на провал [26, с. 191]. Этому способствовали перемены в вероисповедной политике нашей страны, заявившие о себе во второй половине 1943 г. Развитие внешнеполитических факторов подтолкнуло советских руководителей перейти от конфронтации к более лояльной политике по отношению к конфессиям. Изменение общего курса в государственно-религиозных взаимоотношениях находит свое отражение и в создании новых органов власти по управлению религиозными объединениями нашей страны.

В сентябре 1943 г., по итогам проходивших переговоров в Кремле с иерархами Русской Православной церкви, церковь получила разрешение на формирование канонических органов

управления и выборы патриарха. 14 сентября 1943 г. вышло постановление СНК СССР за подписью Сталина об организации нового органа – Совета по делам РПЦ при Совете народных комиссаров Союза ССР, задача которого состояла в осуществлении связи между Правительством СССР и патриархом Московским и Всея Руси по вопросам РПЦ, требующим разрешения Правительства СССР [8, л. 2]. Председателем решено было назначить Г.Г. Карпова. В октябре было утверждено и положение Совета по делам РПЦ, которое содержало подробно изложенные задачи и инструкции для своих уполномоченных при совнаркомах союзных и автономных республик, обл(край)исполкомах [9, л. 11–12]. В Дагестанской АССР обязанности уполномоченного по делам РПЦ при СНК ДАССР исполнял И.Ф. Сергунин [44, л. 429], в Северной Осетии в должности первого уполномоченного был утвержден Г.С. Филоненко [21, с. 12].

Урегулирование вопроса с порядком открытия и функционирования православных храмов и молитвенных домов являлось первым в повестке дня. Оно нашло свое отражение в Постановлении СНК СССР от 28 ноября 1943 г. «О порядке открытия церквей» [10, л. 25–26]. Вопреки Постановлению 1929 г., принципиально новым в нем была роль СНК республик и обл(край)исполкомов. Их функции заключались в решении об открытии церкви или отклонении ходатайства верующих.

Чуть позже 19 мая 1944 г. вышло постановление об организации Совета по делам религиозных культов при СНК СССР, главная задача которого состояла в осуществлении связи между Правительством СССР и руководителями религиозных объединений армяно-григорианской, старообрядческой, католической, греческо-католической, лютеранской церквей, и мусульманского, иудейского, буддийского, сектантских вероисповеданий по вопросам этих вероисповеданий, требующим разрешения Правительства СССР [11, л. 38]. В самом начале председателем нового органа был назначен К.А. Зайцев [11, л. 38], а уже в июне 1944 г. было решено назначить на это место И.В. Полянского [12, л. 46].

В обязанности уполномоченных входило рассматривать ходатайства верующих об открытии молитвенных зданий, утверждать кандидатуры служителей культа, выдвигаемые той или иной религиозной общиной, вести учет религиозных обществ, претворять в жизнь законы и постановления Правительства СССР. Деятельность уполномоченных на местах детально регламентировалась посредством распоряжений и разного рода инструктивных писем, в которых предписывалось, как им вести себя в тех или иных ситуациях [41, с. 180]. Так, в одном из своих отчетов уполномоченный по делам РПЦ по ДАССР религиозность по 3 церквям в республике характеризовал следующими цифрами: посещений – 15532, браков – 10, крещений около 400, погребений-панихид – около 500 [13, л. 12].

Организация новых исполнительных органов государственной власти, а также патриотичное отношение духовенства и верующих всех конфессий предопределили данное властями разрешение религиозным организациям нашей страны создать свои центральные органы управления. Осенью 1943 г. по согласованию с советским правительством было создано Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана в г. Ташкенте [32, с. 99]. В следующем, 1944, г. решено было удовлетворить ходатайство групп мусульманского духовенства Северного Кавказа о разрешении организовать в г. Буйнакске ДУМСК [14, л. 45], для чего был созван в г. Буйнакске съезд представителей мусульманского духовенства и верующих Дагестана, Кабарды, Северо-Осетинской АССР, Краснодарского и Ставропольского краев [14, л. 45]. В 1944 г. баптисты и евангельские христиане России объединились, образовав Союз евангельских христиан-баптистов [25, л. 232]. На Соборе в Улан-Удэ во второй половине 40-х гг. принимается «Положение о буддистском духовенстве (ламстве) в СССР» [2, с. 45]. В Москве располагались старообрядческий архиепископ Московский и Всея Руси, а также Всесоюзный совет адвентистов 7-го дня [38, л. 19].

Подобные изменения общегосударственного масштаба не могли не повлиять на положение религиозных объединений нашей страны, в том числе и на местах. Постановлением СНК СССР за № 1603 от 19 ноября 1944 года «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» был дан ход возвращению религиозным объединениям молитвенных зданий и открытию при необходимости новых [15, л. 57].

Среди населения Северного Кавказа правительственные постановления относительно свободы отправления религиозных культов были восприняты с надеждой, и почти сразу же с момента их издания группы верующих стали обращаться к местным властям с ходатайствами по вопросу открытия молитвенных зданий. Поскольку большое число северокавказских народов к моменту завершения войны было выселено за пределы Кавказа [5], то и прошения шли

преимущественно из трех республик – Дагестанской, Северо-Осетинской и Кабардинской. В течение пяти лет здесь открылось несколько десятков мечетей [16, л. 124]. Так, обращение Председателя ДУМСК муфтия Хизри Гебекова к Председателю Президиума Верховного совета ДАССР Тахтарову способствовало открытию джума-мечетей в Акуша, Ботлихе, Кахибе, Чароде и Махачкале [45, л. 21]. Прошения поступали и от других религиозных конфессий: от армянского населения г. Кизляра Грозненской области об открытии молитвенного здания [46, л.1], заявление от верующих с. Черный Рынок Тарумовского района Грозненской области об открытии православного прихода [47, л. 2].

Согласно сведениям центрального архива, в Северной Осетии ни одна мечеть открыта не была [17, л. 10, 28, 105; л. 87; л. 2а, 3, 4а, 15, 16, 17, 18, 19, 21]. С 9 июня 1945 г. в г. Орджоникидзе начал функционировать Молитвенный дом общины евангельских христиан, с общим количеством прихожан 951 человек [18, л. 6а]. На территории Кабардинской АССР в период с 1942 по 1946 гг. было зарегистрировано и открыто более 10 православных общин и приходов, располагавшихся в г.Нальчике, г. Прохладном, ст. Солдатской, п. Докшукино, ст. Екатериноградской, сел. Баксан, сел. Крем-Константиновке, ст. Пришибской [29, с. 220–221] и др. Также регистрации подверглись и мусульманские общины – 9, одно иудейское общество в г. Нальчике, общины ЕХБ в г. Нальчике, п. Майский, г. Прохладный, п. Докшукино [19, л.1 – 48].

На территории Грозненской области, по сведениям, на 1948 г. действовало 2 церкви, 3 молитвенных дома [20, л. 2].

Приведенные факты говорят о позитивных изменениях в системе государственно-конфессиональных отношений нашей страны.

Однако, несмотря на изменения отношения власти к религии в стране в сторону позитива, явление это было временным и несколько двойственным. По неполным данным, на конец 1945 г. Советом была разрешена практическая деятельность «свыше 5 тыс. религиозных обществ, в том числе: римско-католических – 1704; мусульманских – 500, евангелическо-лютеранских – 433, старообрядческих – 415, иудейских – 105» [33, с. 128–135]. Однако эта цифра была занижена почти в 4 раза, чем ходатайствовали верующие. Государство вроде бы разрешило регистрацию зданий, но в то же время существовало множество проволочек. Осуществлялся непомерный контроль над открытием новых религиозных зданий, при котором выдерживался определенный процент к числу поданных заявлений. Оформление множества документов, которые верующие должны были подготовить на основании устных разъяснений уполномоченных, не всегда приводило к логическому завершению. Многие не выдерживали такого подспудного противодействия на уровне местных органов власти и оставляли начатое дело.

Так, протоиерей Армянской церкви обратился в исполком СОАССР с просьбой о регистрации в качестве второго священника Армянской во имя св. Григория церкви. Прошение подписало около 600 человек, но уполномоченный по церковным делам не зарегистрировал Таварбеяна, считая собрание подписей незаконным [27, с. 215]. Подобные случаи имели место и в ДАССР. Исследователь И.Х. Сулаев в своих научных изысканиях в отношении взаимодействия власти и мусульманского духовенства на территории Дагестана отмечает, что за послевоенные десятилетия в Дагестанской АССР была зарегистрирована 31 мечеть. Несмотря на многолетние ходатайства десятков мусульманских общин республики в самые высшие эшелоны власти, больше ни одна мечеть и религиозное объединение не получили регистрации [40, с. 96].

Подобные выводы подтверждают и слова бывшего заместителя уполномоченного по делам религий М.Р. Курбанова: политика руководства имела двойкий подтекст. Несмотря на полученные инструкции, где главная задача уполномоченных состояла в том, чтобы верующие имели возможность свободно исповедовать свою веру, на деле все обстояло совсем иначе. Объективные аналитические справки с поддержкой верующих не всегда получали одобрительную поддержку со стороны начальства и трактовались как покушение на партийные принципы [30].

Таким образом, существенное изменение правового положения религиозных объединений нашей страны в годы Великой Отечественной войны не только повлекло за собой возможность расширить культовую деятельность, но и создавало благоприятные условия для реализации права на свободу совести для верующих. Однако определяющим фактором для изменения идеологического курса Советского Союза явился внешний. В борьбе с внешним врагом большую консолидирующую роль сыграли именно религиозные объединения, являющиеся неотъемлемыми составляющими истории, духовной культуры и быта народов нашей страны, в том числе и народов Северного Кавказа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анчабадзе Г.З.* Вайнахи / Под ред. Г.Н. Гелашвили. Тбилиси, 2001: URL: <http://oldcancer.narod.ru/caucasus/vainachi/vainahi.htm> (дата обращения: 23.05.2016 г.).
2. *Ахметов Р.М.* Государственно-конфессиональные отношения в экстремальных условиях развития советской государственности (1941–1950 гг.) // История государства и права. 2010. №9. С. 45–47.
3. *Алискеров И.Ш.* Влияние религиозного и этнического факторов на военно-политическую обстановку на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны (1941–1945гг.) // Религиозные организации Советского Союза в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Материалы круглого стола, посвященного 50-летию Победы. 13 апреля 1995 г. М., 1995.
4. В апреле 1934 г. на объединенном заседании секретариатов ЦИК СССР и ВЦИК было принято решение об образовании при Президиуме ЦИК СССР Постоянной комиссии по рассмотрению культовых вопросов. Через месяц такая комиссия была создана, а комиссия при Президиуме ВЦИК упразднена. В ее состав вошли представители Верховного суда СССР, НКВД, ВЦСПС, Верховного Совета и Прокуратуры СССР, ЦК ВКП(б), Института философии Комкадемии, ЦС СВБ. В круг дел, рассматриваемых комиссией, включались разработка и предварительное рассмотрение проектов постановлений по вопросам, связанным с деятельностью религиозных объединений, внесение их на рассмотрение ЦИК СССР и его Президиума. Устанавливался порядок, по которому ведомства и учреждения должны были согласовывать свои действия, затрагивающие религиозные общества, с комиссией. На комиссию возлагалось рассмотрение жалоб верующих и религиозных организаций и внесение предложений в Президиум ЦИК об отмене неправильных и незаконных действий со стороны как верующих, так и местных органов власти. Она была обязана вести общий учет религиозных объединений. Комиссия наделялась правом давать разъяснения общесоюзным и республиканским органам по вопросам, относящимся к деятельности религиозных объединений, требовать от них сведений, материалов и отчетов, характеризующих религиозную обстановку и свою деятельность: См.: *Одинцов М.И.* Государство и церковь в России. XX век. М.: Луч, 1994. – 171 с.
5. В ноябре 1943 г. насильственное переселение было применено к карачаевскому народу, а в 1944 г. тотальной депортации подверглись чеченский, ингушский и балкарский народы. Национальные автономии народов, подвергшихся насильственному выселению, были упразднены и изданы соответствующие указы Президиума Верховного Совета СССР. См.: *Акжиева С.И., Сампиев И.М.* Депортации народов Северного Кавказа в 1940-е годы как фактор диаспоризации и модернизации // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=11581> (дата обращения: 23.05.2016).
6. Власть и мусульманская религия в Дагестане (ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г.). Документы и материалы. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007.– 276 с.
7. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 6991 «Совет по делам религий при Совете Министров СССР (1943-1991 гг.)». Оп. 4. Д. 4. Л. 3 об.
8. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 1.
9. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 1.
10. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 1.
11. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 1.
12. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 1.
13. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 299.
14. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 1.
15. ГАРФ. Ф.Р-6991. Оп.2 Д.1.
16. ГАРФ. Ф.Р-6991. Оп.4. Д.75.
17. ГАРФ. Ф.Р-6991. Оп.4. Д. 24.
18. ГАРФ. Ф.Р-6991. Оп.4. Д. 310.
19. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 305.
20. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 178.
21. *Гюева И.А.* Церковь в годы Великой Отечественной войны (на материалах Северной Осетии) // Вестник Владикавказского научного центра. Т. 5. № 2. 2005. С. 12–15.
22. *Дзэбисов А.Т.* Советское государство и православная церковь в условиях трансформационных процессов 1920-1930-х гг. (на материалах Северной Осетии): Автореф. дис. ... к.и.н. Владикавказ, 2013. – 31 с.

23. Емельянова Н.М. Мусульмане Кабарды // URL: http://lit.lib.ru/e/emeljxjanowa_n_m/text_0010.shtml. (дата обращения: 22.04.2016 г.).
24. Жиромская В.Б., Киселев В.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно». Всесоюзная перепись населения 1937 г. М.: Наука, 1996. – 153 с.
25. История Евангельских христиан-баптистов в СССР. М., 1989. – 623 с.
26. Какагасанов Г.И. Социальные противоречия в дагестанском обществе в 20 – 50-е годы XX в. (историко-документальное исследование). Махачкала, 2010. – 240 с.
27. Канукова З.В., Хубулова С.А. Религия в истории и культуре полиэтничного города (Владикавказ XIX – нач. XXI в.): Учебное пособие; Северо-Осетинский гос. университет. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2006. – 317 с.
28. Каратаева М.А. Развитие массового атеизма в Чечено-Ингушетии в период строительства социализма (1920 – 1940) // Из истории борьбы за власть Советов и социалистических преобразований в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983. – 175 с.
29. Каров А.Х. Религия и государственно-конфессиональные отношения в современной Кабардино-Балкарии (опыт, проблемы и пути их решения). Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2008. – 549 с.
30. Курбанов М.Р. Совет по делам религий в фокусе времени // Народы Дагестана: республиканский общественно-политический журнал. № 4. (23 июля) 2010 г.: URL: <http://www.narodidagestana.ru/vipusk> (дата обращения: 12.05.2016 г.).
31. Мень А. (священник). Религия, культ личности и секулярное государство (Заметки историка религии) // На пути к свободе совести. М., 1989. – 463 с.
32. Набиев Р.А. Ислам и государство: Культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. Казань: Изд-во Казанского университета, 2002. – 244 с.
33. Одинцов М.И. Вероисповедная политика Советского государства в 1939-1958 гг. // Исторический архив. 1995. № 4. С. 128–135.
34. Религиозные организации и Советское государство накануне Великой Отечественной войны: URL: <http://www.pravenc.ru/text/150063.html> (дата обращения: 12.05.2016 г.).
35. Российский государственный архив социально-политической истории (Далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 106. Л. 79–84.
36. Сергей, митрополит Московский и Коломенский, патриарший местоблюститель. Послание к пастырям и верующим 22 июня 1941 г.: URL: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/439892/> (дата обращения: 22.05.2016 г.).
37. Симорот С.Ю. Власть и религия. История отношений (1941–1990). Хабаровск: Изд. ТОГУ, 2014. – 137 с.
38. Сомова И.Ю. Деятельность религиозных организаций СССР в годы ВОВ // Международная научно-практическая конференция. Т. 33. 28 февраля 2014 г.: в 2 ч. Ч.2 / отв. ред. А.А. Сукиасян. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 247 с. С. 14–21.
39. Сулаев И.Х. Государство и мусульманское духовенство в Дагестане: История взаимоотношений (1917 – 1991 гг.). Махачкала, 2009. – 385 с.
40. Такова А.Н. Реалии религиозной «оттепели» в Кабардинской АССР (1944–1954 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (50). Ч. II. С. 188–191.
41. «Танки и самолеты от русской церкви». Дневник им. Антон: URL: <http://ipolk.ru/blog/7845.html> (дата обращения: 19.05.2016 г.).
42. «Танковые колонны»: URL: <http://tankfront.ru/ussr/columns/tank-columns.html> (дата обращения: 19.05.2016 г.).
43. Государственное учреждение «Центральный государственный архив Республики Дагестан» (далее – ГУ «ЦГА РД»). Ф. р-190 «Исполнительный комитет Махачкалинского городского Совета депутатов трудящихся ДАССР, г. Махачкала. 1918-1993 гг.». Оп. 16. Д. 10. лл. 57–73.
44. ГУ «ЦГА РД». Ф. р-168 «Совет Министров РД, г. Махачкала. 1921-1994 гг.». Оп. 67. Д. 429.
45. ГУ «ЦГА РД». Ф. р-352 «Верховный совета Дагестанской АССР и его Президиум, г. Махачкала. 1937-1995 гг.». Оп. 9. Д. 1.
46. ГУ «ЦГА РД». Ф. р-1234 «Уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по ДАССР, г. Махачкала. 1944-1990 гг.». Оп. 4. Д. 3.

47. ГУ «ЦГА РД». Ф. р-1234«Уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по ДАССР, г. Махачкала. 1944-1990 гг.». Оп. 4. Д. 3.
Шабает Д.В. Правда о выселении балкарцев. Налчик, 1994. – 455 с.